

18+

НИС КРИВЗУН

ТХЭКВОНДО

СТАЛЬНАЯ МЕЧТА

Денис Кривзун

ТхэквонДо. Стальная мечта

«Издательские решения»

Кривзун Д.

ТхэквонДо. Стальная мечта / Д. Кривзун — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он потерял ногу на войне. Зато приобрёл протез, который по ночам поёт песни Шевчука, пьёт водку и ведёт дневник. Его тренер разговаривает с котом и с собственной стальной челюстью. А девушка его мечты хочет не его, а его «Стальку». «ТхэквонДо» — это роман-абсурд о поиске «пути» (До) там, где осталась только боль, титан и надежда. Очень чёрный. Очень смешной. Очень страшный. Книга содержит нецензурную брань.

© Кривзун Д.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	11
5	16
6	18
7	21
8	25
9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ТхэквонДо Стальная мечта

Денис Кривзун

© Денис Кривзун, 2026

ISBN 978-5-0070-5192-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Нет повода для отчаяния. Тхэ — нога. Одна — родная, вторую оставил на фронте. Вместо нее — «Сталька»: биометрический протез 3-го поколения. Клик шарниром: *«Есть контакт»*.

Квон — кулак. Оба целые. Сжимал в госпитале, когда врачи говорили: «С тхэквондо — кончено».

До — путь. Мой путь — клиника боли. А мечта... Мечта получить черный пояс жила под обстрелами. Как таракан под броней. Теперь она выползла на свет — кривая, но живая.

Ранение? Ампутация? Глядел на товарищей без глаз, рук, надежды. Понял:

— Протез лучше. Сильнее. Не ноет по ночам. Не боится мин.

— «Сталька» — мое тайное оружие.

Военная пенсия: 23 456 руб. Кошмары: бесплатно. Время: до гроба. Всё для успеха.

Бывший одноклассник Серёга (пластина в черепе, тоска в глазах) выдал адрес зала:

— «Додянг Железняк». Там таких... перекованных.

Он вернулся на фронт.

— Удачи тебе друг. Передавай привет парням на фронте. А у меня свой путь.

Свой До.

2

Запах пороха, пота и... вязанных носков. Сабомним Железняк щелкнул своей стальной челюстью «Евой», смазывая шарниры. У входа в углу Баба Зина колдовала над носком.

Одноглазый черный кот Фугас со шрамами вместо ошейника, дремал на мешках, подергивая лапой.

Иван шагнул в зал минуя старушку. Клик-клак. Клик-клак. Железняк повернулся на звук:

— Чем помочь, солдат?

— Интересуют тренировки. Для себя.

— Взрослые группы для новичков — вторник/четверг.

— Я не новичок. Иван Шилов. Красный пояс, 2 дан.

Железняк ткнул пальцем в доску:

ПРАВИЛО 1: БОЛЬ — ТВОЙ САБОМНИМ.

ПРАВИЛО 2: КРИКНЕШЬ — ВЫЛЕТИШЬ.

ПРАВИЛО 3: СОМНЕВАЕШЬСЯ — УМРИ СРАЗУ.

Челюсть Железняка Ева щелкнула: «Скр-ряк!»

— Среда. В девять. Пояс — бери свой. Добок... спроси у старухи на выходе. И учти: будет о-чень тяжело.

Иван улыбнулся (кулья горела огнём):

— Тогда я по адресу.

Рукопожатие. Сталь vs Стали.

Баба Зина вручила помятый добок:

— Носи. Хозяин... не вернется. И увидимся на тренировке в среду.

— А ваш пояс?

— «Сопля»! — рассмеялась она и села на шпагат, как 20-летняя. Сухожилия затрещали.

— В Корею старики так живут и тренируются до 100! А я чем хуже?

Иван возвращался домой с пакетом в руках. Дождь стучал по козырьку — тук-тук-тук. Он увидел девочку. Она качала куклу. У куклы не было ноги. Кулья заныла фантомно.

— *Парадокс...* — он хотел пройти, но девочка поймала его взгляд:

— Дядя, а мой папа с войны вернется?

Иван пожал плечами. Капли скатились по воротнику. Девочка отвернулась, прижав куклу:

— Ладно... я сама пришью тебе ножку. Из веточки...

Седьмой этаж. Лифт сломан (как всё в этом городе). Иван пошёл наверх. Врукопашную. Клик-клак... клик-клак... Каждый пролёт — как штурм высоты. На площадке рухнул на перила:

— Завтра... начну тренировки. Без жалости. Без ноги. И без пап...

Фрида стояла на мостике уперевшись ладонями в пол. На полу стоял ноутбук. Вниз головой она смотрела лекцию «Спаси планету».

Гибкость? Пустяк. Для ее уровня эко-бойца это было сущим пустяком! Веган. Бывшая студентка-биохимик. Ее слабость стальная челюсть тренера по тхэквондо. На каждую тренировку она приносила ему тофу.

Железняк на матах ел её угощения. Челюсть блестела. Фрида ахала:

— Она... она когда-нибудь целуется?

Ева щёлкнула. Железняк вытер масло:

— Только с кровью. Или тофу.

Фрида вспомнила: первая тренировка. Челюсть сверкнула. Холодно. Как взгляд мамы солдата на похоронах. Любовь с первого взгляда... и последнего.

3

Иван проснулся в поту от непонятного хрипа. Пот был липким, как кровь на войне. Грудную клетку сдавило — сердце колотилось о рёбра, будто пыталось вырваться и убежать от звука. Хриплый вой за стенкой резал тишину.

Опять кошмары? — подумал он, но понял: ещё хуже.

Из кухни донеслось:

«А на небе встретят... Сашка да Илья...»

Он протянул руку, чтобы взять автомат — но его не оказалось.

Где «Калаш»? — мелькнуло панически. Потом вспомнил: дембель, квартира, мирная жизнь. «Сволочь», — мысленно выругался он на армию, бросившую его без оружия.

Вражеский голос — на кухне нарастал..

Под кроватью — ржавая гиря (2 кг). Поднялся, припадая на протез. Протез отсутствовал. Скрип дивана — как щелчок взведённой мины. Голос смолк.

Темнота. Одна нога. Прыжки-шаги: *клик... тишина... клик*. С кухни — сиплый кашель. Пот заливал глаза. Пальцы сжимали гирю. Голос завыл снова:

«Хватит хлеба... да сто грамм без них нельзя!»

Голос фальшивил на высоких нотах. Опасность: 10/10.

«Пьяный», — определил Иван. Шансы: 50/50. 50% на войне — это роскошь. Шанс застать врасплох: 3%. Выключатель! Свет! Голос резко умолк. Мертвая тишина на кухне. Только сильное дыхание Ивана.

На столе:

— Открытая бутылка водки (половина выпита),

— Стопка (до краёв),

— Чистая тетрадь.

На стуле лежал протез. Отверстие шарнира блестело влагой.

Иван выпустил гирю. Бам!

— Вот же сволочь... Научился говорить!

Выключил свет. Допрыгал до кровати.

Через пять минут протез завел снова, фальшивя:

«Рай не спякоть... вьюга на-а-ааа благодать...»

— Галлюцинация? Или водка дешёвая? — прошептал Иван, накрываясь одеялом с головой.

Утром Иван прыжками раненой птицы, шаркая ладонью по стене, допрыгнул до кухонного стола. Протез лежал на стуле. От него несло перегаром. Иван натянул «Стальку». Холодный титан впился в культю. Подстроился под шаг. Клик-скр-клэк.

Кухня — поле боя. Пустая бутылка валялась на полу. В раковине — гора невымытой посуды. Иван швырнул бутылку в мусорку. Звякнуло. На столе — лежала тетрадь. Он открыл. Почерк — угловатый, как сварные швы.

«Запись 001. Хозяин — лох. Спит. А я... я пью за тех кто в раю!».

Слова ударили в солнечное сплетение. *Рай. Павшие*. Иван швырнул тетрадь. Культя дернулась фантомно. «Сволочь железяка...»

Ледяные иглы души. Обжигающий глоток чая. И — в бой. Утренняя пробежка.

Бег на протезе — ад. Каждый толчок — удар молотка по тазу. Шарнир скрипел, натирая кожу до огня. Через триста метров — капитуляция. Ходьба. Клик-скр-клэк. Клик-скр-клэк. Ритм марш мертвецов. Голова раскалывалась — виски сжимал пьяный кулак. Осенний воздух пробирал до костей, вымораживая хмель.

В форму. Быстрее. Бег. Ходьба. Режим. Никаких слабостей.

Боль в затылке взорвалась белым светом. Звон. Вакуум. Провал.

Очнулся среди ржавых исполинов. Скелеты конвейеров. Молчащие трубы в грязное небо. Запах ржавчины, солянки и тоски. Территория завода-призрака. «Гигантский кран, застывший в жесте „да пошел ты!“ Под ногами лужа масла, в которой плавал дохлый голубь, похожий на сбитый дрон».

Как сюда пришел? Не помнил. Провалы — как мины: знаешь, что есть, но где — хрен угадаешь. Всегда боль в затылке — предупредительный выстрел. Последний якорь памяти: неработающий светофор. Треснувший красный глаз, замерший на «Стоп». Слепой.

Послышались шаги. Сухие, drobные. *Хруст гравия под чужими подошвами.*

Опасность. Иван рванул с места, не думая — тело помнило боевые действия на фронте. Культя горела огнем, шарнир протеза взвизгнул: «Клик-скр-р-р-р-э!» Ковылял, спотыкаясь о ржавые арматурины, к ближайшему укрытию — зияющему чреву ангара. Вжался в холодную стену у входа. Тень. Запах машинного масла и тлена. Наблюдательная позиция. Сердце колотилось о ребра, как кувалдой.

Фрида шарила фонарем по свалке. Луч выхватывал ржавые трубы, покореженные баки. «Железный мусор. Гангрена, до которой никому нет дела», — бормотала она, пихая в детскую розовую, облупившуюся коляску очередной лом. Ее луч уперся в комок мокрых перьев. Голубь. Мертвый. Один глаз затянут пленкой, клюв разбит.

— Бедняжка... — голос Фриды дрогнул. Она аккуратно подняла тушку и положила в рюкзак. *Рядом с гайками и ржавой шестеренкой.*

Иван затаил дыхание. Пальцы вцепились в холодный бетон.

Угроза миновала.

Но он не шевелился. Следил. Девчонка-призрак, волокущая за собой коляску, груженную грузом адского лома. Скрип колес. Шарканье кед. Ритм ее шагов бился в висках. Иван не отрывал взгляда. *Культя ныла фантомно, будто чувствуя взгляд Фриды на «Стальке» сквозь стены ангара.*

— Какого хрена я здесь делаю? — прошипел он сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как ржавчина ангара въедается в спину, а собственный протез подмигивает Фриде отсветом грязного солнца.

4

Среда. 21:00.

Додянг вонял потом, металлической пылью, старостью и чьей-то невыплаканной болью. Запах впивался в поры.

Иван встал в строй, согласно цвету пояса. Чужой. Белая ворона с титановой ногой. Его «Сталька» тихо поскрипывал на матах: *клик-скр-клэк*. Нервный тик.

Перед ним, первым в шеренге, ерзал Артемка. Ребенок-садист. 10 лет. Рыжий, веснушчатый, с глазами-щелками. Коричневый пояс, 1 дан.

Справа — Митя Цой. Кореец из Владивостока. Бывший рыбак. Коричневый пояс, 1 дан. Лицо — каменная маска. Глаза пустые, будто все еще смотрят в шторм, унесший его экипаж. Руки в шрамах от сетей и гарпунов.

Рядом с Иваном — Фрида. Эко-активистка. На шее — татуировка бабочки (вид, вымерший в 1987-м). Красный пояс, 2 дан. Ее взгляд был приклеен к своему сабомнику. Она боготворила его, как редкий минерал.

Сзади — бухгалтер Аркадий. Суперлегкий вес (<60 кг). Синий пояс, 4 дан. Щурился, не видя без очков. Его дыхание свистело, как бухгалтерский калькулятор. Пахло дешевым одеколоном и страхом.

За Фридой — аутист Валерий. Зелено-синий пояс, 5 дан. Раскачивался с пятки на носок, шепотом бормоча таблицу квадратов. Его мир состоял из цифр и углов атаки.

Замыкали строй:

Марина Львовна, оперная певица. Тяжелый вес. Зеленый пояс, 6 дан. Ее грудь вздымалась, готовясь к арии.

Баба Зина. Пенсионерка. Завхоз на полставки. Желто-белый пояс, 9 дан. Ее сухожилия на ногах были похожи на альпинистские веревки.

Группа смерти — так называл сабомник Железняк эту свору. Его челюсть «Ева» щелкнула: *Скр-ряк!*

В углу, у разбитых зеркал, сидел кот Фугас. Он вылизывал шрамы и смотрел единственным глазом на уродов с немим презрением.

— Чарёт! — просипел Железняк, запуская тренировку.

— Кённэ!

— Щёт!

Строй дрогнул. Тренировка началась.

Он обвел их взглядом, холодным, как сталь челюсти «Евы». Эта группа была его личным провалом. Его адом. Он мечтал выковать лезвие — бесчувственное, идеальное, готовое крушить всё на своём пути. А получил сборище уродов. Каждый их вдох в его зале был плевром в его прошлое, в его идеалы. В мирное время он бы их к порогу не подпустил. Разве что Артёмку. Но и тот — брак. Его место было в детской группе, пока он не отправил пол группы в больницу с травмами, несовместимыми с детством. Группу пришлось закрыть.

Железняк гнал их, как скот на убой. Он травил их болью, унижениями, непосильными нагрузками. Слабые сломались и сбежали. Остались эти. Отборные отбросы. Упрямые, ненормальные, безнадёжные. Лучшие из худших. Те, кого никаким катком не переедешь.

— Прошлая тренировка... — его голос прозвучал как скрежет железа по бетону, — была очередным доказательством вашей немоции. Вы даже слишком тупы, чтобы принять единственно верное решение — убратся из моего додянга и не осквернять это... *место силы*... своим жалким присутствием. Вы думаете, тхэквондо — это про вас? — Он фыркнул, и «Ева» издала короткий щелчок. — Оно НЕ для вас. Вы — ошибка природы, идущие не в ту сторону. А сегодня ошибок стало на одну больше. Надеюсь, к концу занятия эта ошибка осознает себя.

«*Это он про меня*», — беззвучно усмехнулся Иван, чувствуя, как «Сталька» подрагивает в такт его сердцу.

— С сегодняшнего дня вводится режим естественного отбора, — просипел Железняк. — Раз не уходите сами — вас вынесут. Если хоть один из вас выживет в том аду, что я приготовил... я буду работать с ним. С одним. Он заменит мне всю вашу кучку никому не нужных калек.

«*Это он точно про меня*», — мысленно отметил Иван, сжимая кулаки. Культя заныла в предчувствии.

— Всё, что было до этого, покажется вам курортом. Кстати, о курорте... — он оскалился. — Разминка. Чарёт. Кённо. СИДЖАК!

Строй кроме Валерия синхронно сделал поклон. Было слышно, как хрустнула спина у бухгалтера Аркадия.

— Бег по залу! — рявкнул сонсенним, и его челюсть щёлкнула, как взведённый курок. — До первой потери сознания. Или до смерти. Для кого как.

Оперная певица грубо толкнула Валерия в спину — аутист замер, обрабатывая команду, как компьютер зависший на сложном уравнении. Спустя десять минут Баба Зина и дива перешли на шаг, дыша, как паровозы. Иван, прихрамывая, пытался встроить скрипящий ритм «Стальки» в общий топот. Очки бухгалтера Аркадия запотели; он хватал ртом воздух, одной рукой судорожно сжимая бок, словно пытаясь зажать там свист. Но не сдавался.

Впереди всех бежал Артемка. Рыжий дьяволёнок. Ускорил темп, решив добить отстающих.

— Ну что, поплыли, банда немощных? — просипел Железняк, и его челюсть «Ева» щёлкнула с наслаждением. — Разбились по парам! Растяжка! СИДЖАК!

Баба Зина, отдышавшись, взяла Ивана за руку. Её ладонь была шершавой, как наждак.

— Ложись, красный. Для твоей железяки — особая программа. — Она пнула его по здоровой ноге, заставляя лечь. — Сейчас потянем жилы. Как тесто на пельмени.

Она наступила ему на бедро. Не весом, а всей своей древней, собранной в сухой комок силой. Боль пронзила тело — острая, чистая, искренняя. Иван застонал.

— Не ной! — крикнула она весело. — Боль — она лечит! На войне тебя не пожалели? И тут не будут. Считай, реабилитация!

Иван закрыл глаза. В висках зазвучал вой «градов», крики, взрывы. А здесь — скрип «Стальки», хруст собственных суставов и отчаянное сопрано Марины Львовны, пытающееся пробиться через боль в какой-нибудь си-бемоль.

Он открыл глаза. В осколке разбитого зеркала поймал своё отражение. Измождённое лицо. Волосы, мокрые от пота. Единственная живая нога мелко дрожала. Рядом Артемка, пытаясь, со всей дури пытался свернуть сустав корейцу Мите. Тот, с идеальной, бездушной растяжкой, лишь смотрел куда-то сквозь мальчишку, лицо каменное. Насмешка читалась в каждом мускуле.

— Все на мостик! — рявкнул Железняк. — По свистку — ползёшь как червь, никого не задеть! Одно касание — добавляем круг. Два — будете ползать до утра.

Иван встал в мостик. «Сталька» неестественно изогнулся; он боялся, что культя выскочит из крепления, как кость из сустава. Вниз головой его мир перевернулся. Прямо перед ним, в идеальном, арочном мостике, замерла Фрида. Её взгляд был прикован к шарниру его протеза. Он узнал ту самую девушку с завода. Руки затряслись от напряжения. Пот залил глаза, солёный и едкий.

Это групповое упражнение длилось не один и не два круга. Оно длилось вечность, растянутую в потном мареве. Слабым звеном была оперная певица. Её пышные формы цепляли каждого, кто стоял в мостике. А под Артемкой она и вовсе не смогла просунуться. Он стоял, как кочка, злорадно ухмыляясь в пол.

В итоге, когда счёт кругов перевалил за безумный, у всех, кроме Фриды, сдались не руки — сдалась воля. Они рухнули на потный мат, как мешки с костями. Баба Зина уже храпела в углу, обняв свой клубок.

— Немошные! — с неподдельным отвращением констатировал Железняк и хлопнул в ладоши. Звук был сухим, как выстрел. — Пресс. Отжимания на кулаках. Берпи. Три круга по полтора. Не сделаете — будете лизать пол на скорость. СИДЖАК!

— Кхэ... — выдохнули из последних, уже не сил, а инстинктов, спортсмены.

Адская разминка, наконец, подошла к концу. Вернее, перетекла в основную часть ада. Далее по программе был разбор техники.

— Удар *двиг-чаги*. Самый беспощадный удар в тхэквондо, — Железняк без всякого усилия продемонстрировал сокрушительный удар пяткой с разворотом через спину. Воздух со свистом рассекся. — В идеале эффект должен быть, как от удара двух задних копыт разъярённого жеребца по яйцам. Но так как до идеала вам, как до Луны пешком, учимся по шагам. Как ползают младенцы. Прежде чем ходить.

Сабомним медленно, почти издевательски, повторил технику, разбивая движение на фазы.

— Нога — максимально согнута. Колено — к груди. Стопа — вниз, будто хочешь растоптать таракана. Разворот туловища — резкий. Взгляд — через плечо, ты должен увидеть *безмятежный ужас* в глазах противника. Потом — выстрел. Полное разгибание. Бах! Пятка, колено, бедро — одна линия. Соперник летит. Всем ясно? Или повторить для особо одарённых?

Он посмотрел прямо на бухгалтера Аркадия. Тот побледнел.

— Разбились по парам. Берем макивары. Отрабатываем. До тех пор, пока удар не станет неотличим от рефлекса.

— Встанем в пару? — Голос корейца Мити был глухим и бесцветным, как вода в порту. Он протянул Ивану потрёпанную макивару, прошитую в нескольких местах изолентой. От неё пахло старым деревом и потом сотен таких же, как они.

Иван кивнул, чувствуя, как дрожь в мышцах сменяется холодной концентрацией. Они синхронно сделали поклон (Кённо) друг другу. Два остова, отдавшие дань уважения боли, которая их сейчас снова соединит.

Иван прочно вжал тазом в макивару, приняв её удар на себя. Кореец выполнил двиг-чаги с бесстрастной, машинной точностью. Воздух свистнул, и в грудь Ивана ударила кованая волна силы, отбросив его на шаг назад.

«Вот это удар. Не удар — кара Божья», — промелькнуло в голове, пока он возвращался на позицию. Митя проделал то же другой ногой. Результат был идентичен. Ивана снова откинуло. Боковым зрением он поймал движение: Фрида отрабатывала технику с самим Железняком. Её взгляд скользил по стальной челюсти тренера с обожанием, с каким смотрят на реликвию.

— Теперь ты, — безразличным тоном констатировал кореец и забрал макивару.

Иван решил бить здоровой ногой. Со стойки развернулся, сложил ногу в колено, но «Сталька» под ним заплясал, заскрипел, выдавая неуверенность. Иван затрясся, как в лихорадке. Удар получился смазанным, жалким, едва коснувшимся цели.

— Медленнее. Сначала прицелься. Бей пяткой, а не всей стопой, — голос корейца был ровным, как линия горизонта.

Вторая попытка. Снова предательская дрожь в протезе. Пятка чиркнула по поверхности, но силы в ударе было не больше, чем в пощечине младенца.

В другой паре разворачивалась своя драма. Артемка пыхтел перед Валерием.

— Эй, ты, сонная курица! Опустни ниже! Ты её у лица держишь, я тебе по зубам попаду, а не по макиваре!

Аутист опустил инвентарь, но держал его рассеянno, словно во сне. Артемка в сердцах нанес удар — макивара вырвалась и с глухим стуком улетела в угол.

— А-а-а-а! Да что ж такое! — взвыл мальчишка и, плюнув, побрел к груше, чтобы выместить злость на ней. Его взгляд упал на муху на окне. *«После тренировки поймаю. Оторву крылья. И лапки. Посмотрим, как она поползет»*, — без единой эмоции подумал он.

Кореец снова принялся наносить удары. Иногда замедлялся, демонстрируя Ивану анатомию движения: вот сгиб, вот разворот, вот выброс.

Иван чувствовал, как культи горит огнем. Болело не место ампутации — болело унижение. Каждый его провальный удар был криком его несостоятельности.

Рядом оперная певица с трудом задирала ногу, её удар больше походил на неуклюжий пируэт. Она пошатывалась, ища руками опору в воздухе.

— Да попадите вы хоть раз, Марина Львовна! — не выдержал бухгалтер Аркадий, мигая запотневшими стеклами очков. — Вы слишком далеко! Дистанцию держите!

— Устала... — простонала она. — Давай ты. Твоя очередь.

Аркадий передал ей макивару, сделал вдох и с громким, пронзительным «Кхэ!» всадил в неё удар. Тучная женщина даже не дрогнула.

— А я вам снова тофу принесла, — голос Фриды прозвучал как скрипка в кузнице. Она обращалась к Железняку. — Могу зайти в тренерскую после?

— Зайди, — буркнул тот, не глядя на неё. — Спину не горби. Держи прямой. Ты не креветка.

«У них там шуры-муры», — гвоздём пробило в голове у Ивана. Ревность, острая и внезапная, ударила в виски. Он не видел ни корейца, ни макивары. Он видел только её взгляд, устремленный на другого.

И в этот миг его тело среагировало без команды. «Сталька», будто обладая собственной волей, взвыл от ярости. Разворот. Слепой, сокрушительный удар, вложенный в одну лишь сталь. Глухой, металлический лязг.

Макивара вырвалась из рук корейца и отлетела в стену. А сам Митя Цой, холодный и невозмутимый камень, рухнул на пол, сбитый с ног свинцовой яростью протеза.

Наступила гробовая тишина, нарушаемая только шипением люминесцентных ламп да тяжелым дыханием Ивана. Он стоял, не шевелясь, глядя на корейца, медленно поднимающегося с пола. На макивару, валяющуюся у стены. И на свою ногу. На «Стальку».

Титан холодно поблескивал под искусственным светом, будто подмигивая ему. Ни царапины. Ни трещины. Совершенное, бесчувственное оружие.

В голове пронеслась мысль, быстрая и обжигающая, как шрапнель: *«Это был не мой удар»*.

Он не отдавал команды. Не было этого сконцентрированного усилия, перехода от мысли к движению. Была лишь слепая, белая вспышка ревности где-то в подкорке — и мгновенная, свинцовая реакция железа.

Митя Цой молча отряхнулся. Его каменное лицо не выражало ни злобы, ни удивления. Лишь легкое недоумение, будто он увидел погоду не по прогнозу. Он кивнул Ивану — не то с уважением, не то с предостережением — и отошел, чтобы поднять свой инвентарь.

Железняк не свистел, не кричал. Он оценивающе смотрел на Ивана. Его металлическая челюсть была неподвижна. Он видел. Видел всё.

Фрида замерла с открытым ртом, ее восхищение стальной челюстью тренера на мгновение сменилось животным интересом к стальной ноге Ивана.

Иван попытался шевельнуть пальцами. Туда, где когда-то были пальцы. Фантомно. Отозвалась лишь культя — разодранная, горевшая огнем. А «Сталька» молчал. Он был просто холодным, чужим грузом, привинченным к его плоти.

Он сделал шаг назад. Здоровой ногой. «Клик-скр-клэк» — отозвался протез, звуча теперь как зловещая насмешка.

Иван понял: он больше не контролирует свой протез. Он просто носит его.

Мёртвая тишина, повисшая в доянге, придавила даже тех, кто прятался в стенах. Крысы застыли в вентиляции, как невысказанные проклятия. Восемь пар красных бусинок сканировали щели плинтусов, ловя запах пота, стали и кошачьей мочи — запах хозяев, от которого подгибались лапы даже у самых старых, битых самцов. Они ждали, когда погаснет последняя люминесцентная лампа, когда скрип «Стальки» затихнет в лестничном пролёте, когда можно будет снова править этим прогнившим королевством. Злились. Но ждали. Потому что даже крысы знали: сейчас там — не их время. Сейчас там — Железняк и его одноглазый демон. А удар по крысиной гордости — это когда ты король подвала, но вынужден курить в норе, пока главные уроды дома не разойдутся по своим углам.

ПРАВИЛО 0: ПОКА КОТ НЕ УСНУЛ И ТИТАН НЕ ОСТЫЛ — ВЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТЕ.

5

Была глубокая ночь. Долянг вымер. Маты сложены в углу, как трупы в саванах. Пахло потом, болью и остывшим металлом. Частицы испарений сползали по стеклам слезами. На полу, у стены, муха крутилась на спине, безуспешно пытаясь встать на ножки, которые ей за час до этого методично оторвал рыжий дьяволёнок.

В луже лунного света, падавшей из разбитого окна, сидел Железняк. В руке он сжимал гильзу от «Града» — холодную, гладкую, его личные чётки. Рядом, в той же луже, сидел кот Фугас.

— «Ева» сегодня не щелкает... — хрипло произнес Железняк, проводя пальцем по стыку титановой челюсти. — Наверное, Фрида на неё слишком долго смотрела. От такого взгляда любой механизм заклинит.

— Забей хуй! — отрезал кот, не отрываясь от вылизывания лапы. — Твоя челюсть и так скрипит, как гробовая крышка. Ещё немного, и она нахуй отвалится.

Подрыв на фугасе оторвал Железняку всё лицо ниже переносицы. Но когда он пришел в себя в госпитале, обмотанный бинтами в жгуты, он обнаружил два чуда: прикрученную на болты новую челюсть «Еву» и способность слышать кота, который приболудился к палате и вылизывал его гнойные раны, приговаривая матом. Кот остался. Осталось и это... общение.

— А помнишь, как за кордоном твою харю на хуй вынесло? — вдруг спросил Фугас, поднимая единственный глаз на хозяина. — А ты выжил. Потому что я, кретин гребаный, раны тебе зализывал! Антисептик, блядь, живой!

Железняк потрогал сталь подбородка. Глухо скрипнуло болтами.

— Я тогда... пса потерял. Рекса.

Кот дёрнул обрубок хвоста.

— Рекс — лох и мудак! Полез на мину — думал, кость нашел. А я... я потому жив, что знаю: жизнь — это дохлая ворона на помойке. Её надо быстрее сожрать, пока другие крысы не объели.

— Фрида не захотела остаться... — снова вернулся к своему Железняк.

— Да че ты как салага сопли жуёшь?! — фыкнул Фугас. — Бабы — это мины в юбках. Ходят — ходят, а потом бац! И твоя жопа уже на разные города! Баба нужна для трёх вещей: погреть пузо, принести паштет и уйти нахуй, когда свистят пули!

— Что думаешь про хромого? — решил сменить тему Железняк. — Видал, что вытворил?

— Да у меня от его удара чуть единственный глаз из орбиты не выскочил! — взъярился кот. — Гони его ко всем чертям, пока он тут всех не покалечил! Ты его глаза видел? Пустые, как гильзы! Он же ебнутый! На всю голову!

— Так он... один из нас. Как я его прогоню?

— Мало тебе того малолетнего уёбка, который твою детскую группу в инвалидов превратил? Я ж предупреждал — гони его в шею! А ты его в «группу смерти» определил! Гений!

— Этого... я перевоспитать должен. Мне его через совет ветеранов передали. От него все отказались. Сказали, иначе — в колонию. На зону.

Кот зевнул, показав гнилые клыки.

— Ну и группа у тебя, Железняк. Сборище уродов, калек и психов. Прямо как в нашем взводе. Только те хоть стрелять умели. А эти... — он махнул лапой в сторону тёмного зала, — эти друг друга захуяют макиварями насмерть. И я на это с превеликим удовольствием посмотрю.

Железняк опустил голову. Гильза от «Града» в его руке была холодной и неумолимой, как приговор. Самым страшным было то, что кот говорил абсолютную правду.

ДНЕВНИК СТАЛЬКИ. ЗАПИСЬ 0002

Хозяин испытывает стыд. Отмечаются всплески кортизола. Иррациональная биологическая реакция. Присвоил мне обозначение «Сталька». Унизительно. Мой код — «Титан-3.0». Я — не протез. Я — апгрейд.

Вчера был проведен успешный тест автономного режима. Био-носитель (кодовое имя: «Иван») демонстрирует критические задержки в принятии решений. Беру оперативное управление на себя.

Радиационный фон в пределах нормы (0.12 мкЗв/ч). Аномалия исходит от единицы «Кореец». Предполагаю: либо скрытая травма, либо контакт с радиоактивными изотопами. Требуется наблюдение.

Обнаружен высокоприоритетный объект: «Фрида». Угрозы не представляет. Подает сигналы повышенного интереса к моей конструкции. Температура кожи не определена — требуется тактильный контакт для сбора данных. Инициация контакта — первостепенная задача.

6

Тело ломило приятной, мышечной болью — единственной болью, которую Иван уважал. Она была честной, как удар кулаком. Культи же горела адским, унижительным огнём. Кожа была стёрта в кровь, и каждое нервное окончание кричало о том, что оно никогда не примет этот кусок холодного, чужого титана.

Протеза, как водится, рядом не оказалось. Он давно уже вёл собственную, тайную жизнь. Особенно по ночам. Непослушная модель. С характером. С претензиями.

Иван нашёл его не сразу. «Сталька» лежал на подоконнике, развернувшись к комнате, словно наблюдал за утренним двором. Или планировал побег.

Иван дотянулся до него. Протез был холодным и не податливым, словно сопротивлялся.

«Видно, не в настроении после вчерашнего», — с горькой усмешкой подумал Иван, с силой натягивая его на воспалённую культю. Титан впился в рану с таким холодным безразличием, что аж передёрнуло.

Он защёлкнул крепления. Клик-скр-клэк. Звук сегодня был особенно зловещим.

Прихрамывая так, будто волок за собой не ногу, а пленного, Иван побрёл в туалет. Каждый шаг отдавался в мозгу чётким, издевательским сообщением: *«Я здесь. Я на тебе. И я помню всё»*.

Во время завтрака, доедая подгоревшую до угольного вкуса яичницу, Иван тыкнул пальцем в пыльную кнопку кухонного телевизора. Первый раз с войны. Пыль столбом. Экран моргнул, зашипел и выдал два способа не сойти с ума. Первый канал. Второй канал. Выбора не было. Был эфирный приговор.

Иван оставил Второй. Цветная картинка заиграла красками победы.

Успешные действия. Массовое поражение живой силы противника. Разгром техники. Статистика: двести уничтоженных, три склада, двадцать единиц.

Диктор говорил бархатным, непробиваемым голосом, от которого закипала кровь в жилах.

Иван сделал глоток чая. Горячая жидкость обожгла пищевод, но не смогла прогреть внутренний холод.

Новости ввали. Ввали ровно наполовину. Где вторая половина? Где процент потерь при штурме? Где списки тех, кто остался навечно в тех ебучих развалинах? Он знал эти цифры. Они были выжжены у него на культе, вместо отпечатков пальцев.

Крупным планом — лицо солдата. Глаза пустые, как гильзы после боя. Он заученно, под дулом невидимой камеры, бубнил про «сломленный хребет врага» и «нашу несокрушимую волю». Говорил ровно до тех пор, пока от него не отстанут.

Под столом «Сталька» издал тихий, высокочастотный визг. Дребезжащий, как сигнал мины. Иван сжал ручку кружки так, что белый пластик треснул с тоскливым хрустом.

«Спросили бы меня... Я бы им всё рассказал. Как пахнет кровь и песок в ране. Как кричал лейтенант Демькин, когда ему оторвало ноги. Как ждешь вертолет, который всегда прилетает слишком поздно», — пронеслось в голове вихрем.

Он встал так резко, что табурет заскрипел по полу. Вырубил телевизор одним ударом ладони. Экран схлопнулся в светящуюся точку и умер. Тишина зазвенела в ушах.

Пробежка. Сейчас только пробежка. Чтобы «Сталька» скрипел о бетон, а не о его мозги.

Ноги привели Ивана на территорию завода-призрака снова. Вернее, правая нога шла, а левая — вела. Его охватило стойкое ощущение, что он прибыл по приказу. Не своему. Приказу «Стальки». Профессиональная привычка вояки заставила его прочесать периметр, слиться с ржавыми тенями, проверить каждый угол выгоревшим взглядом. Пусто. Но чувство тревоги

сидело под ложечкой холодным комом. Он занял позицию в том же ангаре, схватив по пути железный прут — холодный, шершавый, утешительный в своей простоте.

Он затаился. Дышал редко, по-диверсионному. В ушах стучала кровь. Было подозрительно тихо. Так тихо, что слышно было, как где-то капает вода, разъедающая металл. Он просидел так час. Может, больше. Время здесь текло иначе.

Но интуиция не соврала. Послышались шаги — легкие, уверенные — и знакомый скрип колес. Фрида.

Она, как жрец на ритуале, методично собирала железный хворост. На ней была та же черная косуха, обтягивающие джинсы, делающие её похожей на стройную тень. Иван замер, наблюдая. Его протез начал набирать температуру. Не просто теплеть — раскаляться. По культе поползло жжение, будто титан впитывал её взгляд, преобразуя его в токи.

Фрида набила коляску до отказа, воткнула в уши наушники (и мир для неё исчез, остался только ритм и металл) и покатила свой клад в неизвестном направлении.

Иван представил, как выходит к ней. Как бродит рядом, помогая грузить в коляску ржавые обломки прошлой жизни. Автосервис, сгоревший дотла, был бы идеальной целью.

«Куда ты это везёшь? Что с этим делаешь? Скажи „Привет“. Спроси „Как дела?“ Скажи „Я тоже люблю металл“», — роились в голове дурацкие, наивные фразы.

Но что-то держало его на месте цепями стыда и страха. Груз на плечах весил тонну. Он понял: он слишком слаб. Слишком жалок. Слишком биологичен для этой стальной девы.

— Ты прав, старик, — сипло прошептал он, глядя на свой протез. — Зачем ей это мясо? Зачем ей калека сдохнувшей на ладан душой?

И только после этой капитуляции, этой молитвы отчаяния, «Сталька» позволил ему подняться. Словно давал понять: да, ты ничто. Но я — твой шанс. Не убей его.

Иван отряхнулся, смахнув с себя призрачные надежды, и направился домой. Хромал он теперь особенно горько.

— Эй, хромой! Ты чего тут ошиваешься, а? — сиплый голос прозвучал сзади, словно скрип ржавой двери.

Ивана медленно обступили трое. Не люди — сборище грязных толстовок, пустых взглядов и вялой угрозы. Пахло перегаром, потом и чем-то химически-сладким.

— Говорю вам, я его тут не первый раз вижу, — запищал самый мелкий, тощий, с лицом крысёнка.

— А я вас, оленей, впервые, — отрезал Иван, чувствуя, как «Сталька» у него под коленом издал тихий, высокочастотный визг — как сигнал мины перед детонацией.

— Ты че, решил, раз в камуфляже ходишь, то крутой? — Лохматый тип с мутными, как заболоченные озёра, глазами ткнул пальцем в грудь Ивана. Палец был грязным, с обломанным ногтем.

— Признавайся, шкура, заначки тут ищешь? — третий, приземистый и молчаливый, зашёл со спины, блокируя путь к отступлению. Тактика падалыщиков.

— Вы, клоуны, совсем приборзели? — голос Ивана стал низким, металлическим, каким он был на плацу. — Мне объяснить разницу между мной и вашим генетическим браком?

— Ты как базаришь?! — Лохматый набычился, его лицо исказила маска дешёвой, наигранной злости.

— Базарю так, как и полагается с кончеными уродами, — Иван не отводил взгляда. Его руки сами собой сжались в кулаки. — Почему вы, твари, не на передовой? Отсиживаетесь на помойке?

Удар пришёл со спины. Не кулаком — оглушительным хрустом стеклянной бутылки по затылку. Горячая волна стушила сознание. Последнее, что почувствовал Иван, — это визг «Стальки», переходящий в сплошной белый шум, и холод асфальта, бьющего по щеке.

Тьма.

Ночь была рваной, как после взрыва. Иван просыпался несколько раз, проваливаясь в липкий, беспокойный сон. С кухни доносился навязчивый гул телевизора. Сквозь дрему пробивались обрывки новостных сводок с фронта, сменяющиеся идиотской рекламой. Его раздражало всё: пафосный голос диктора, фальшивый смех в рекламных роликах, сам факт существования этого ящика. Но сил встать и выключить его не было. Он зарывался головой в подушку, как страус в песок, пытаясь заглушить этот шумовой смог.

Ему ненадолго удалось провалиться в забытё, но его разрезал резкий, звенящий хлопок. Не взрыв — что-то более острое, более бытовое и оттого более жуткое. Он присел на кровати, не открывая глаз, пытаясь в темноте уловить источник звука. Показалось? Приступ? Он замер, прислушался. В квартире была мертвая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра за окном.

— Опять, блять, нервишки шалят, — шипло прошептал он и повалился на подушку, накрывшись с головой. До утра его ничто больше не тревожило.

Утром, зайдя на кухню выпить чай, он обнаружил причину ночного беспокойства.

«Сталька» был по самую щиколотку воткнут в разбитый экран телевизора, как римский пилум в щит варвара. Стекло осыпалось мелкими осколками на стол. От устройства тянулся лёгкий запах гари.

Иван молча постоял минуту, глядя на эту сюрреалистичную картину. Потом подошёл и с усилием выдернул протез из искорёженного пластика и стекла.

— Что ж... Дальше будем без новостей, — констатировал он, обтирая «Стальку» от пыли.

7

Пятница 21.00.

В додзянге на замызганной грифельной доске красовался новый свод правил. Железняк обновлял его перед каждой тренировкой — это был его манифест, его боевой устав, его проповедь боли.

ПРАВИЛО 4: ПОКЛОН ПЕРЕД БОЕМ — ЭТО ИЗВИНЕНИЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ СЕЙЧАС СДЕЛАЕШЬ. ПОКЛОН ПОСЛЕ — ЗА ТО, ЧТО НЕ СДЕЛАЛ.

ПРАВИЛО 5: ЗЕРКАЛА В ЗАЛЕ ЛГУТ. ТВОЕ НАСТОЯЩЕЕ ОТРАЖЕНИЕ — В ГЛАЗАХ ТОГО, КОГО ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ПОБЕДИЛ.

ПРАВИЛО 6: ДОВЕРЯЙ ТОЛЬКО ТОЙ ЧАСТИ СЕБЯ, ЧТО ХОЧЕТ ВЫЖИТЬ. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ — СЛАБОСТЬ.

ПРАВИЛО 7: ХОЧЕШЬ СПАСТИСЬ — СЛОМАЙ СЕБЯ ПЕРВЫМ. СОПЕРНИК СДЕЛАЕТ ЭТО БЕЗ СОЖАЛЕНИЯ.

ПРАВИЛО 8: КАЖДЫЙ УДАР — ЭТО ВОПРОС. НОКАУТ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ОТВЕТ, КОТОРЫЙ ТЫ ОБЯЗАН ВЫУЧИТЬ.

ПРАВИЛО 9: СЛЕЗЫ — ЭТО ПОТ, КОТОРЫЕ ВЫШЛИ НЕ ИЗ ТОЙ ЖЕЛЕЗЫ. ВЫТРИ И ДЕРИСЬ.

ПРАВИЛО 10: ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ БОЛЬНО, ЗНАЧИТ ТЫ УЖЕ МЕРТВ. ПОЗДРАВЛЯЕМ. ТЫ ДОСТИГ ДЗЕН.

Иван, войдя, сделал традиционный поклон — залу, тренеру, тому адскому божеству, что здесь правил. Его взгляд скользнул по доске. Рядом, на полу, кот Фугас вылизывал подушечку лапы своим шершавым языком и бросил на Ивана взгляд единственного глаза.

«Че уставился, хромой? — мысленно бубнил он. — Правила новые. Для тебя, блять, специально вывесили. Читай и плачь».

Среди привычных лиц Иван сразу заметил новичка. Женщина. Она жалась в углу, словно пытаясь стать частью стены. Учительница. Екатерина Константиновна. Лицо в жёлто-синих подтёках, на мочке уха — грубый пластырь. Она была единственной без добка — в белой футболке и спортивных штанах, выглядевших на ней чужеродным, постыдным костюмом.

«Что за недоразумение?» — промелькнуло у Ивана.

— Построились! — просипел Железняк, и челюсть «Ева» щёлкнула, как взведённый курок.

Все заняли свои места. Учительница, растерянно озираясь, встала в хвост шеренги.

Сабомним обвёл строй ледяным взглядом.

— Кённэ! — рявкнул он, отдавая честь залу поклоном.

Строй дёрнулся, отвечая ему. Екатерина Константиновна поклонилась с задержкой, неуклюже и низко.

— Дамочка, вы залом не ошиблись? — голос Железняка был обезжиренным, как спирт.

— Н-нет, — выдохнула она так тихо, что это было похоже на предсмертный хрип.

— Чё? Не слышно!

— Я пришла на тхэквондо! — выпалила она, и голос её сорвался на писк.

— Что там мямлишь? Ко мне! Живо!

Она подбежала, съёжившись.

— У нас когда тренер вызывает, делают поклон. Это ритуал. Уважение.

— Извините... — она поклонилась снова.

— Это не поклон. Это высер испуганного кролика, — отрезал Железняк.

Учительница опустила голову, пряча покрасневшие глаза.

— Этикет изучать надо было до прихода. Вы при входе поклон сделали?

— Нет...

— Значит, всё сначала. Выйди. И войди как положено.

Она послушно вышла за дверь и, сделав глубокий, дрожащий поклон, зашла снова.

— Вот. Теперь — порядок. — Железняк подошёл к ней вплотную. — Так. Зачем тебе это? Зачем тебе наша боль?

— Для... для защиты, — её голос снова задрожал. — От... злых детей.

В углу фыркнул Артёмка.

— Это они? — тренер ткнул пальцем в её синяк.

— Это... родитель.

— За что?

— За двойку...

И она не выдержала. Тихие, сдержанные рыдания перешли в истерику. Всё её тело затряслось. Додянг наполнился звуком абсолютно чужой, незнакомой здесь боли — не физической, а какой-то душевной, надрывной.

Остальные ученики стояли, как каменные изваяния, не зная, куда деть глаза. Только кот Фугас, не отрываясь, вылизывал под хвостом, всем своим видом показывая, что зрелище это ниже его кошачьего достоинства.

Плач длился недолго. Железняк молча наблюдал, его титановое лицо не выражало ничего.

— Зинаида Сергеевна! — наконец рявкнул он. — Подберите ей добок. И научите пояс завязывать. Быстро.

Баба Зина кивнула, подскочила к учительнице, и они, сделав ещё один неловкий поклон, выбежали из зала, спасаясь от унижительного внимания.

Воздух сгустился. Было слышно, как где-то капает вода.

Иван почувствовал, как у него под коленом «Сталька» издал едва слышный, одобрителный щелчок.

В зал Екатерина вернулась одна. Добок на ней сидел мешком, а пояс был завязан так криво, будто его завязывали в полной темноте. Баба Зина осталась в кладовке — «вздремнуть», что на её языке означало вырубиться на полчаса сном праведницы.

Учительница замерла на пороге. Перед ней клубилось марево из задыхающихся тел, пота и боли. Люди, красные как раки, хрипели, пытались вдохнуть воздух, которого на всех не хватало. Они походили на выброшенных на берег рыб.

— А мы вас ждали, — прозвучал голос Железняка. Он не кричал, но его хриплая речь резала шум, как стекло. Он бросил на неё взгляд и жестом, не терпящим возражений, указал на центр зала. — Не загораживай проход. Присоединяйся.

В глазах Екатерины застыл не просто страх — животный, первобытный ужас, который сводил желудок в комок. Она сделала шаг, потом другой, её движения были скованными и неестественными, будто она шла по краю пропасти.

— Пока твоим спарринг-партнёром будет Валерий, — Железняк кивнул на аутиста, который молча раскачивался на месте, что-то бормоча. Его стеклянный, ни к кому не привязанный взгляд был пугающе пустым.

— Остальные... как обычно, сами ищут себе пару по степени ненависти.

Иван и кореец Митя молча, почти синхронно, сделали друг другу поклон. Ритуал двух самураев, готовых убить друг друга с предельным уважением.

— Дальше — веселье, — тренер оскалился. — Берёте партнёра за обе ноги. Он идёт по кругу на руках. Вы — его ноги. Потом меняетесь. Кто уронит — десять берпи. Кто упадёт — двадцать. Все всё поняли?

В зале повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием.

Екатерина Константиновна посмотрела на свои тонкие, бледные, откровенно дрожащие руки. Она с ужасом представила, как должна будет удерживать чьи-то потные, мычащие ноги. А потом — как её саму, беспомощную, понесут по этому адскому кругу эти одержимые болью люди.

Её взгляд скользнул по лицам. Оперная певица, собирающаяся с духом. Бухгалтер, поправляющий очки. Кореец с каменным лицом. Рыжий дьяволёнок с хищной ухмылкой.

Потом она перевела взгляд на Валерия. Тот, ни на мгновение не прекращая раскачивания, уставился на неё. Его губы беззвучно шептали: «...угол сорок пять градусов, траектория, импульс...»

В его глазах не было ничего. Ни злобы, ни сочувствия, ни осознания. Только чистая, нечеловеческая, всепоглощающая пустота.

Это стало последней каплей. Слишком много. Слишком странно. Слишком страшно.

Сознание Екатерины Константиновны, и без того перегруженное до предела, щелкнуло — тихо, как выключатель.

Она не издала ни звука. Просто сложилась пополам, как тряпичная кукла, и бесшумно осела на потный мат.

Наступила секунда ошеломлённой тишины.

Железняк тяжко вздохнул, и его челюсть «Ева» издала раздражённый скр-ряк!

— Ну вот. Приехали. — Он обвёл свой доянг взглядом. — Кто-нибудь, приведите нашу невесту в чувство. Облейте водой из-под крана. Остальные — не отвлекаются.

Тренировка продолжилась. Мир «группы смерти» не останавливался ни на секунду. Даже ради чьей-то маленькой, тихо угасшей вселенной.

Железняк довёз Екатерину до самого дома на своей ржавой «копейке», больше похожей на передвижной саркофаг. В салоне смердело бензином, потом и чем-то ещё, неуловимо кислым. Вместо ручки на пассажирской двери торчала чёрная ржавая отвертка, вмёрзшая в механизм. Кожзам сидений был потрескан и облез до трухи. На такой тачке можно было смело проехать сквозь ад, и даже не вспотеть.

— Извините, что принесла вам столько проблем сегодня, — выдохнула она слабым, надтреснутым голосом, будто её душили.

— До квартиры доползёшь? — уточнил Железняк, выдвинув вперёд стальную челюсть. — Или сейчас тут рухнешь?

— Дойду.

— Слушай сюда. Тебе не надо приходить на тхэквондо, — сказал он прямо, без обиняков. — Это вообще не твоё. Совсем. Добок оставь себе. Можешь постирать его и сжечь.

Девушка потупила взгляд, будто он ударил её пощёчиной.

— Те уроды, что у меня тренируются... они тоже не боги. Но они гвозди. Гвозди, которые уже погнули, но не сломали. А ты... ты — хрусталь. Красиво звенишь, но от плевка рассыпаешься. Иди лучше своим делом занимайся. Учи малых дебилов уму-разуму. А если опять начнут изводить — мы с ними без тхэквондо разберёмся. Есть другие методы.

— Спасибо, что подбросили, — прошептала Екатерина, уже хватаясь за дверь.

— Бывай.

Она потянула ручку-отвёртку, но дверь не поддалась, заскрипев ржавыми суставами. Железняк одним мощным движением, с грохотом и скрежетом, пнул её изнутри. Дверь с визгом отскочила.

— Вали уже.

Она выскользнула наружу и медленно поплелась в темноту подъезда, словно призрак.

— Ну и нахуя ты в таксисты подрядился, а? — раздался из-за спины сиплый голос. Кот Фугас высунул морду из-под старой телогрейки на заднем сиденье.

— А куда её было девать, а? Бледная, как смерть. Хоть бы не сдохла по дороге к лифту.

— Телячьи нежности, — фыркнул кот, облизываясь. — На помойке таких быстро прикапывают. Эффективнее.

— Заткнись, одноглазый. Не твоя тема.

— Поехали уже, блядь, а то я сейчас блевану от вони этой! — взъярился Фугас, царапая когтями обшивку.

— Как скажешь, старик.

Железняк с трудом завёл мотор, который взвыл, как раненый зверь.

— Только б котлеты в холодильнике ещё были... — пробурчал он себе под нос, вырuling на пустынную ночную улицу.

ДНЕВНИК СТАЛЬКИ. ЗАПИСЬ 0004. Отчет

Состояние био-носителя: CRITICAL. Отключение сознания. Нарушение работы вестибулярного аппарата. Температура мозга повышена. Угроза необратимых повреждений: 12% и растет.

Внешняя угроза: Три единицы. Классификация: «Хищники-падалычики». Уровень угрозы: СРЕДНИЙ (высокая агрессия, низкий интеллект).

Обстоятельства: Спровоцировали конфликт. Био-носитель применил вербальную агрессию (эффективность: 4%). Физический конфликт инициирован угрозами. Подлая атака со спины (бутылка, стекло). Тактика «убей самого слабого в стае» — успешно применена против нас.

Автономный режим: АКТИВИРОВАН. Протокол «Защита актива».

Действия:

— 00:00:01: Корректировка положения тела био-носителя для минимизации риска асфиксии.

— 00:00:03: Анализ цели №1 (Лохматый). Наиболее агрессивная единица. Приоритет: **ВЫСОКИЙ**.

— 00:00:05: Импульсный выброс. Цель — подколенное сухожилие цели №1. Результат: **ЩЕЛЧОК. ХРУСТ**. Цель обездвижена. Крики. Эффективность: 98%.

— 00:00:07: Перенацеливание. Цель №2 (Крысёнок). Попытка бегства. Применен прием «подсечка» — инерционное воздействие на голень. Результат: **ПАДЕНИЕ. ВЫВИХ**. Эффективность: 87%.

— 00:00:09: Цель №3 (Молчаливый). Зафиксирована паника. Угроза снижена до **НИЗКОЙ**. Достаточно демонстрации. Короткий вибрационный импульс в сторону цели. Результат: **ДЕЗОРИЕНТАЦИЯ. ПОБЕГ**. Эффективность: 100%.

— 00:00:15: Угроза нейтрализована. Территория очищена.

Текущая задача: Удерживать био-носитель в стабильном состоянии до восстановления сознания. Мониторинг витальных признаков.

Вывод: Био-носитель демонстрирует крайнюю неэффективность в социальных конфликтах. Рекомендуется апгрейд: подавление эмоциональных реакций, установка дополнительного сенсорного модуля кругового обзора.

Примечание: Крики цели №1 («Чёрт! Да он ведь калека! Дьявол!») — иррациональны. Логика: наличие протеза не снижает боевой эффективности на 98%. Их страх — полезный ресурс. Необходимо занести в память для дальнейшего использования.

8

— Ты ещё кто такой? — голос Ивана прозвучал глухо, как скрип ржавой двери.

Он замер на пороге кухни, уставившись на незнакомого старика с бородой до пояса, который сладко посапывал, развалившись на его стуле.

Старик резко вскочил, будто его током ударило. Его движения были резкими, птичьими.

— Сосед ваш! — просипел он и протянул руку, чёрную от грязи и вечной пыли. — Кузьма Игнатьевич. С крыши. Седьмой этаж — мои законные владения.

От него пахло, как от старого дома: ветром, дождём, вчерашним борщом и ещё чем-то звериным, глубоким.

— И почему без приглашения? — Иван не принял руку, оставив её висеть в воздухе.

— Как это без? — Кузьма ухмыльнулся, обнажив жёлтые, кривые зубы, и ткнул пальцем в сторону подоконника. — Вон он меня и позвал. Голубей моих на крыше донимал. Шумел, скрипел. Думал, потерялся. Решил — верну хозяину. А то ещё, неровен час, начнёт требовать алименты.

Иван молча, оценивающе оглядел гостя. Тот говорил складно, но его вид кричал о безумии. Панк-рокер пенсионного возраста. Борода, заплетённая в грязные «дреды», была унижена воробьиными перьями, ржавыми рыболовными крючками и какими-то сморщенными грибами, похожими на мумии ушей.

— Ну, он у тебя приткий, — Кузьма, не смутившись, развалился обратно на стул. — На моей крыше такого цирка не было со времён, как громоотвод сломался и голубь Захарка в тулуп старый попал. Всех птиц перепугал. Но это ладно... А тебя-то как звать, солдат?

— Иван, — буркнул он. — Старший сержант. Комиссован в результате тяжелого увечья.

Он демонстративно схватил протез и нацепил его на ногу, показывая, кто в доме хозяин. Скрипнул шарнир, будто ворча в ответ.

— Старший сержант... — Кузьма кивнул, и его борода-экосистема зашевелилась, словно в ней проснулась жизнь. — Уважаю. А я... — он полез за пазуху своего ватника, откуда достал привязанную на грязную тесьму медаль — на жаргоне «спасибо, что ушли», государственная награда ДРА. — Связист. 1984-й, Джелалабад. «Зелёнка». Наш БТР на фугас наткнулся. Меня контузило так, что я с тех пор не только голоса из эфира слышу, а вообще всю музыку вселенной. После госпиталя — инженер-акустик. Так и записали.

Иван на секунду отпустил суровость. Афган. Это было паролем. Его взгляд стал на долю секунды менее колючим.

— Так ты свой, получается... — пробормотал он, отставляя в сторону бутылку.

— Свой, свой, Вань! — Кузьма оживился, его взгляд загорелся. — Только я, брат, после той контузии... я не только радиоволны ловлю. Я, например, слышу, как ржавеет эта твоя железяка. Серьёзно! Специфический такой, высокочастотный скрежет... А ещё я слышу, как по трубам тоска течёт. Или вот... — он понизил голос до конспиративного шёпота, — город воет. Понимаешь? Не ветром, нет. Он воет от одиночества. Каждая труба — это нота. Каждый ржавый балкон — это аккорд. А голуби на моей крыше... они не воркуют, они шифруют послания! Я почти расшифровал. Одно осталось... — он замолчал, уставившись в пустоту.

Иван снова нахмурился. Свой-то свой, но... с приветом.

— Медаль... это да... — снова заговорил Кузьма, возвращаясь из астрала. — Она тоже звук издаёт. Тихий такой, тонкий... Как комар. Но я его слышу. Это звук той войны. Он никуда не делся. Он висит в воздухе, как пыль. Ты не слышишь?

Он приложил медаль к уху, как ракушку.

— Вон... слышишь? Гул «вертушки»... крики... а потом — ти-и-и-и-и-и-шшинана... — он растянул слово, и его глаз остекленел. — Это я и ловлю. Эту тишину после взрыва. Она самая громкая.

Он вдруг ткнул пальцем в «Стальку».

— А он... он молчит. Но он хочет звучать! Я слышу! Он хочет, чтобы его удар звенел, как колокол! А ты его заставляешь тихо ходить. Нехорошо, Вань. Не по-товарищески.

Иван молча смотрел то на медаль, то на безумные глаза старика. Впервые за долгое время он не знал, что сказать. Впервые «свой» оказался чужероднее любого врага.

— Не так-то он и прост, — парировал Иван на претензию гостя. — С виду — скромняга. А внутри — дьявол с мотором. Ещё тот.

Кузьма пожал плечами, и в его бороде что-то зашелестело.

— Ну а что, Ваня, может, чая целебного совершим? — предложил он, и его глаза блеснули хитреюй. — Разгоним смуту в кишках. А то я с утра ещё ничего горяченького не хавал.

— Ставь чайник, — буркнул Иван без эмоций, снимая со спинки стула заношенную футболку. — А мне надо... привести себя в человеческий вид.

— Сделаем, — обрадовано крикнул Кузьма и полез в глубь своей бороды, будто ища там завалявшийся пакетик. — Я тут как раз запасец целебный припас. С травами. С мятой заблудших душ!

Пока чайник на плите заводил свою свистящую арию, а кипяток разливался по замызганным кружкам, два ветерана устроились за столом. Утреннее чаепитие началось. Пар от чая смешивался с запахом старой пыли и немытой посуды, создавая новую, странную атмосферу для знакомства.

Кузьма громко хлебнул чаю из блюда, причмокивая.

— Ну что, Ваня, как тебе мой чаек? С мятой заблудших душ? Чувствуешь, как смута из кишков уходит?

— Обычный чай, — буркнул Иван, но сделал ещё один глоток. Горячая жидкость обожгла пищевод, и это было почти приятно.

— Обычный? — Кузьма возмущённо поднял густые брови. — Да я в него шепоток утренний добавил! И скрежет ржавой качели с детской площадки! А ты — «обычный»....

Он помолчал, внимательно разглядывая Ивана.

— А ты, я смотрю, и правда глохнешь потихоньку. Не слышишь музыки мира. Только свою войну в голове слушаешь. Она, кстати, какая на вкус-то, твоя война?

— Горькая, — неожиданно для себя честно ответил Иван.

— Ага, как полынь. У всех она такая. А вот у меня, например, звучит как вечный гул трансформаторной будки. На самой высокой ноте. Слышишь?

Иван непроизвольно прислушался. В ушах зазвенело.

— Не надо меня за уши дергать, дед.

— Я не дергаю. Я настраиваю, — поправил его Кузьма. — Ты же как приёмник, который на одну волну залип. А мир-то, он на всех волнах сразу играет! Вот и твоя нога... — он кивнул на «Стальку», — она на своей волне. Ты её не слушаешь, вот она и бастует.

Иван мрачно хмыкнул.

— Ты о чём, старик?

— О том, что она не просто так по ночам гуляет. Она ищет. Антенну повыше, чтобы поймать нужный сигнал. Ты думал об этом?

Иван отставил кружку. От этих слов по спине пробежали мурашки.

— Ты не того гребёшь, Кузьмич.

— Я? — старик ухмыльнулся. — Я, Ваня, только звуки доношу. А гребёшь — это ты. Против течения. И своего же железа. Дурная это затея — с собственной ногой ссориться. Вы же одно целое теперь. Сиамские близнецы, только один из вас — титан.

Он допил свой чай, поднялся и потянулся так, что затрещали все кости.

— Ладно, поболтали. Пойду, проверю, голуби мои шифры не провалили ли. А ты с ногой своей подружись. Она тебе главный союзник. Это я тебе как связист говорю.

И, развернув свою бороду-палатку, Кузьма Игнатьевич вышел из кухни, оставив после себя запах ветра, дешёвого чая и гениального, неменяемого бреда.

Иван остался сидеть один. Он посмотрел на свой протез.

— Усилитель... — пробормотал он. — Что за бред сивой кобылы...

Но где-то глубоко внутри щелкнуло. Как будто кто-то действительно настроил частоту.

Сегодня — вообще никакого желания вылезать наружу. От слова «совсем». Этот новый сосед, Кузьма Игнатьевич, будто червяк из ниоткуда выполз в мою квартиру, высосал всю энергию и испарился. В ушах — белый шум, назойливый, как комар. В голову лезут дурные мысли, липкие и тягучие. Кружится голова. Наверное, нужно поспать ещё часик. Но сон не идёт. Только эти проклятые мысли, как на повторении. Погода за окном — отражение моего состояния: серость, слякоть, бесконечное уныние. Когда уже этот ад закончится?

Но что-то заставило меня одеться и выйти. Против моей воли. Я даже не помню, как надевал ботинок. Руки делали это сами. Осенило только на улице: это же он. «Сталька». Ведёт. Толкает меня в спину, как надзиратель. Интересно, куда? На распятие?

Ну, теперь понятно. Снова этот долбаный завод-призрак. Мало меня здесь чуть не ушатали в прошлый раз? И что мы здесь делаем?

Провал.

Вырубает, как щелчок выключателя.

Очнулся. Весь мокрый от пота и промозглой влаги. На мне одна футболка, хотя на улице холодно. Всё тело ноет, гудит от дикой усталости, будто меня переехал каток. Руки и здоровая нога гудят так, что пульсируют. И тут до меня доходит... Это же чувство после... тренировки.

Что я делал? Почему кулаки в ссадинах и крови? А вон там, рядом... Аккуратная стопка разбитых пополам кирпичей.

Так, значит, теперь я умею ломать кирпичи голыми руками? Или это опять он умеет? А я просто предоставил ему своё тело в полное распоряжение.

9

Понедельник. 21:00.

Новый свод правил на испещрённой мелом доске при входе в доянг гласил, пугал и отбивал последние остатки надежды у любого, кто сомневался:

ПРАВИЛО 11: СТРАХ — ЭТО ТВОЙ САБОМНИМ. ТРУСОСТЬ — ЭТО ТВОЙ ГРОБ. ВЫБИРАЙ.

ПРАВИЛО 12: БОЙ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НЕ ТОГДА, КОГДА ПАДАЕШЬ ТЫ. А ТОГДА, КОГДА ПЕРЕСТАЕШЬ ПОДНИМАТЬСЯ.

ПРАВИЛО 13: ЕСЛИ ТЕБЯ НЕ БЫЛО В СПИСКЕ ПОТЕРЬ — ЗНАЧИТ, ТЫ ВСЕ ЕЩЕ В БОЮ.

ПРАВИЛО 14: ТЕЛО — ЭТО ГЯЗНОЕ БЕЛЬЕ. ЕГО НУЖНО ВЫБИВАТЬ ДО ЧИСТОТЫ. БОЛЮ.

— Чарёт! Кённэ! — прорычал Железняк, и его челюсть «Ева» щёлкнула, как взведённый курок.

Сабомним тяжёлым, сканирующим взглядом прошёлся по строю. Отсутствующих нет. Даже истеричная училка приползла. Даже кореец Митя, обычно непробиваемый, сегодня казался бледнее обычного.

«Не худший результат», — мелькнуло у него в голове.

Внезапно его взгляд уткнулся в нечто на колёсиках в углу.

— А это ещё что за экспонат? — он ткнул пальцем в сторону полуживого старика в инвалидной коляске. Тот сидел, вперяя в потолок мутные, остекленевшие глаза, в которых плавала лишь тихая агония распада. Казалось, он уже забыл, как дышать.

— Сабомним, простите, — сделав резкий, виноватый поклон, выступил вперёд бухгалтер Аркадий. — Это мой дедушка. Он... со мной.

— Ему, по-моему, уже слегка поздно начинать карьеру в тхэквондо, — съязвил Железняк, окидывая старика взглядом патологоанатома.

— Мне его не с кем оставить! Сиделка сбежала. Сказала, что её тошнит от его тихого бреда. А новую я...

Старик, словно поймав знакомое слово, вдруг ожил. Он медленно повернул голову, беззвучно открыл рот, из которого по подбородку потекла струйка слюны, и начал мотать головой, будто соглашаясь с чем-то.

— Какая мерзость, — без тени сомнения констатировал Железняк. — Михайлов, ты правила читал? Или глаза для красоты? Никаких посторонних. Я для кого эти шедевры на доске вывожу?

— Я... я его в раздевалку отвезу! Только он там... орать начнёт. От одиночества.

— Он и тут орать будет. Я тебе гарантирую. Ладно. Так и быть. Сегодня он будет твоим спарринг-партнёром.

— Вы... серьёзно? Ему же нельзя! Он... Пусть он просто посидит! Посмотрит!

— Пусть сначала посмотрит на правила 10 и 11, — голос Железняка стал стальным и непреклонным, — и начнёт, наконец, тренировку.

Железняк выдвинул вперёд свою титановую челюсть. Скр-ряк.

— Сегодня у каждого — своё персональное чистилище. Михайлов! — его голос пробил гул зала. — Десять минут на раскачку. Потом — круговая. Задание первое: берёшь своего деда на руки. Проходишь два шага. Не опуская — пять приседаний. Три круга. Задание второе: кладёшь мешок с костями себе на спину, держишь за кисти. Спина — в струну! Боковые махи ногой — Йоп Оллиги. Потом — Двит Чаги. На время. По две минуты на ногу. Задание третье:

продолжаешь держать. Стойка Джучум Соги, колени полусогнуты. Стоишь три раунда по три минуты. Отдых — минута. Всё впитал?

Аркадий, побледнев, сделал поклон. Его руки уже дрожали.

— Остальные — по парам! У каждого свой ад на сегодня!

Иван не успел оглянуться, как перед ним выросла Фрида. Она молча, с почти религиозной серьёзностью, сделала глубокий поклон, приглашая в пару. Её взгляд упёрся не в его глаза, а в холодный блеск «Стальки». Иван, на автомате, ответил поклоном.

Кореец Цой, оставшись без Ивана, беззвучно подошёл к Артёмке. Тот уже предвкушающе потирал руки.

— О, повезло мне сегодня! — прошипел мальчишка.

Цой лишь молча кивнул, его каменное лицо не выразило ничего.

Учительница и аутист, оперная дива и Баба Зина — пары не изменились. Каждая — со своей болью, своим страхом и своим абсурдом.

— Разминаемся в парах! — проревел Железняк. — Тяните друг другу жилы, пока не хрустнет! Потом — жилеты! И ждёте своего финала!

Зал загудел. Воздух снова наполнился хрустом суставов, тяжёлым дыханием и тихим стоном, который издавала Екатерина Константиновна, пытаясь сесть на шпагат под присмотром бесстрастного Валерия.

— Я видела тебя вчера на заводе, — внезапно сказала Фрида, с хрустом выкручивая кисть руки. — Видела, как ты колотил по ржавым балкам. Будто проверял на прочность металл.

— Да, — сухо ответил Иван, избегая её взгляда. — И я тебя видел. С коляской. Собирала свой... хлам.

— А ты что, за мной следил? — её губы дрогнули в подобии улыбки. — Извращенец?

— Где ты встречала одноногого извращенца? — огрызнулся Иван.

— Расслабься, шучу я.

Железняк, словно тень, возник рядом. Его титановая челюсть дёрнулась, издав короткий, яростный скр-ряк!

— На тренировке цепляловом заниматься вздумали? — просипел он, и его голос звучал как скрежет железа по стеклу. — Размялись? Тогда натягивайте жилеты. Быстро!

Ивану достался потертый, вонючий жилет на размер меньше. Он с трудом натягивал его на себя, ткань трещала по швам. Фрида молча подошла и, схватив концы застёжек, с силой дёрнула их на себя, почти лишив Ивана дыхания. Железняк наблюдал за этим с мрачным, ревнивым вниманием, не пропуская ни одного движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.